

Василий ВОРОН

Пробник Автора

16+

Василий Ворон

Пробник автора.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50296133

SelfPub; 2025

Аннотация

Даже в парфюмерии и косметике есть пробники, и в супермаркетах часто устраивают дегустации съедобной продукции. Я тоже решил сделать пробник своего литературного творчества. Продукта, как ни крути. Чтобы читатель понял, с кем имеет дело, какие мысли есть у автора, как он распоряжается словом, умеет ли одушевить персонажей, вести сюжет. Знакомьтесь, пожалуйста. Здесь сборник мини-рассказов, написанных в разных литературных жанрах – то, что нужно для пробника.

Содержание

...в один день	4
Притча о помощниках славян	8
Опасно для жизни	12
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Василий Ворон

Пробник автора.

Сборник рассказов

...В один день

драма

Сначала Петрусь не понял, что произошло. В голове стоял гуд, уши болели и во рту ощущался привкус железа. Кровь – догадался он и тут же вспомнил: надо бежать в погреб. Открыл глаза и охнул. Кругом была белесая мгла, пропитанная страшной пылевой взвесью.

– Полюшка, – позвал Петрусь жену. Где-то рядом послышался стон.

– Здесь я... Господи, воля твоя.

Петрусь было рванулся на помощь, но тут же понял, что пошевелится не может – ноги зажалобило обломками.

– Полюшка, как ты? – он поворочал головой, пытаясь понять, где была дверь в кухню. Смутно возвращалась привычная явь. «Мы же обедать сядем!» – вспомнил Петрусь и заметался от безысходности.

– Люди! Помогите... – пытался кричать он, но высохшее горло не слушалось.

– Что ты, Петя? – услышал он свою Полю. Голос жены вернул ему спокойствие – и то верно. «Не трусь, Петрусь», – подумал он.

– Да ничего, Полюшка, – отозвался, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Надо же позвать кого-нибудь. Зажало меня, не вылезть самому. Ты-то сама как?

– Плохо, Петя. Плохо...

– Что с тобой? Где болит? – заволновался Петрусь, но жена больше не отвечала. Ужас снова захлестнул Петруся, но он упрятал его так далеко, как смог и снова начал звать на помощь. В голове почему-то стучала глупая присказка «они жили долго и счастливо, и умерли в один день». Он гнал ее прочь, но она не уходила и вертелась в голове как назойливый слепень жарким полднем. Он старался ее перекричать, зовя людей снова и снова.

И не заметил, как его сморило от усталости и страха.

И приснилось ему, будто он на огородишке сорняки выпалывает. И стучится кто-то в калитку. Разогнулся Петрусь, спину расправил, идет открывать. Смотрит, а за воротами Костлявая стоит. С косой, в черном балахоне. «Вот оно, значит, как, – думает про себя Петрусь. – Стало быть, пришло мое время». И ведь помнит все, как есть, вернее, как было до сего дня. И что дети у них взрослые разъехали давным-давно. И внуки не отстают: старшая в Киеве учится, младший в ополчение пошел, землю родную защищать...

Стоит Петрусь против Костлявой и не знает, что делать,

да что говорить. А тут незваная гостья сама и молвит:

– Я не твоя Смерть. Супругу позови.

Проснулся Петрусь, остатки страшного сна отряхивает и кричит:

– Поля! Полюшка...

И слышит, что люди вокруг него. Помогают, откапывают. Сосед Пашка подбадривает его:

– Ничего, Петр Иванович. Сейчас. Потерпи немного.

– Полюшка-то как? – Петрусь спрашивает. И видит, что Пашка глаза прячет.

– Что?! – схватил он его за рукав, перепачканный в известке.

– Нету тети Поли, Иваныч... Померла. Прости...

С тех пор снился Петрусю один и тот же сон. Будто он на огороде возится, а в калитку стучит кто-то. Подходит он, отворяет, а за воротами пусто. Больше месяца снился ему этот проклятый сон. Он уж и Богородицу просил, чтоб Костлявая и за ним пришла. Но сон не менялся.

И вот как-то копается он на огороде, слышит в калитку стук. И стоит за воротами его Полюшка – молодая и красивая, какой он ее когда-то встретил – и говорит:

– Пойдем, Петя. За тобой я.

Он и ушел.

Послесловие от автора

Говоря простым языком, в данном рассказе налито воды. Потому что изначально рассказ был во много раз короче.

Пытливые умы вполне могут разглядеть этот его костяк и без подсказок. И автор подтвердит, что основой текста стал так называемый «грустный рассказ из шести слов», родоначальником которого называют Эрнеста Хемингуэя. Погуглив, любопытные найдут в Сети несколько достойных последователей данного жанра. А автор приведет ниже свою версию.

«Я не твоя Смерть. Супругу позови»

Притча о помощниках славян

Давно это было.

Когда-то славяне жили одним большим и дружным народом – как повелел Бог Род, главный в божественном сонме.

Жили люди по устоям, славили своих Богов, а Род со своими братьями, сестрами и детьми приглядывал за ними. Трудно жилось людям – за скотиной поспей, очаг сбереги, хлеб с полей убери, да еще за детьми глаз да глаз нужен. Придумал Род снабдить людей помощниками. Дал сначала собаку. Стала собака верным другом мужчине: сторожем, пастухом и охотником. После даровал Род людям кошку. Стала кошка опорой женщине в хлопотах по дому: с детьми играла, лечила разные мелкие человеческие хвори да мышей ловила. Смотрит Род, что получилось. Ан не все так гладко, как задумывал: то собака на охоте заиграется, поднимет лишнюю птицу, или детеныша звериного придушит. Да и кошка чаще спит, чем трудится. Не так по устоям-то! Задумался Род-батюшка. Да и придумал.

Намесил глины Род, взял нож и состриг в месиво волоски со своей бороды. Поколдовал да и вылепил анчутку. И назначил его Домовым. Снова замесил глины, снова состриг с бороды волосы да нечаянно срезал ноготь с пальца. Стал лепить другого анчутку, да и вышел у него Банник. А из той глины, куда ноготь попал, получилась Обдериха. Опасная

вышла Обдериха – то как есть анчутка, а то кошкой обернется, а когти у нее с аршин. Но решил Бог Род не менять ничего – для острастки человека и такой анчутка сгодится. И назначил Банника с Обдерихой в баню к человеку. В придачу к анчуткам сделал Род еще и Овинника, чтоб припасы людские берег, да в деннике присматривал за скотиной. И дальше принялся за работу. Замесил еще глины, да не абы какой, а из дикого лесу добытой. Кинул в месиво клочок бороды, да хвою еловую, да мох, да кору дуба. И сотворил еще одну нежить, Лешего. И послал его в лесу догляд держать. В помощь ему сотворил Кикимору, чтоб отваживала человека от болот топких. Замесил последнее месиво, кинул туда опять волос с бороды, да рыбу чешую, да листья ивы. И сотворил речную Берегиню.

И стали новые помощники нести неустанную службу.

Домовой в избе человека приглядывает: чтоб от печи не угорел никто, чтоб младенец не плакал попусту; то кошку разбудит, чтоб мыши не озоровали, то хозяев предупредит, если огонь из печи сбежать норовит. Много дел у Домового.

Банник за порядком в бане следит: чтоб дольше необходимого не парились люди, чтоб щелок нужного качества был, чтоб пожара не случилось. И Обдериха пригодилась: отваживает пьяных дураков от парилки, чтоб худа не случилось. Знать стали люди, что в бане шутки да беспорядок плохи, сразу Обдериха о себе даст знать.

Овинник закрома охраняет: хлеб бережет от болезней,

мышей гоняет не хуже кошки, скотину успокаивает, теленка-обжору от вымени оттаскивает, чтобы и людям молоко осталось.

Берегиня в речке да в иной воде дозор несет: чтобы ребятня не утонула, а уж коли кто взрослый утоп по какой причине, непременно к Водяному царю спрашивает, чтоб не заплутал.

Леший лес сторожит. Добытчиков да охотников предупреждает, чтоб лишнего из лесу не брали, чтоб не шумели, да не озоровали. Иногда покружит остолопов для острастки, да и выпустит верст за десять от дома.

Кикимора на болоте сидит, пугает народ, чтоб в топь не лезли.

Так и жили: люди Богов славили, да трудились, Боги за порядком следили, чтоб войн да мора не случилось. А нежить в быту да на промыслах доглядывала, чтоб всё по устоям было.

Много лет прошло с тех пор. Забыли люди своих славянских Богов. И отца Рода забыли. И разошлись по землям в разные стороны. И жить не по правде стали. Горят леса богатые, реки могучие выходят из берегов. В домах неправда угнездилась – внешней красоте люди радуются, а правду да толк позабыли. Детей во вседозволенности да непотребстве воспитывают, да и сами люди то деньгами одержимы, то похотью да досужими помыслами. Нет в домах Домового, прогнал его давно болтливый да лживый телевизор. Нет и Бан-

ника с Обдеригой, потому как и бань нет никаких, а только
ванные комнаты, где вода из труб ржавых берется. Человек
в лес стал ходить лишь в досужую пору, никто ему там не
указ. И заблудиться не страшно ему – телефон всегда нуж-
ный путь укажет. А болот и не осталось вовсе.

Живут люди без Роду-племени, будто сами по себе. Боле-
ют часто, да не только телесными недугами. Кривда помыс-
лами их правит, о себе заботиться велит, а ближнего своего
советует не замечать.

Так-то!

Опасно для жизни

приключение

Впереди шел Док. Под его рюкзаком мерно качался котелок, куда он сунул свои свежие носки, скатанные в клубок.

– Эй, Сусанин, – позвал его Дрон. – Спрячь свои соксы подальше.

Док не слышал – из ушей торчали провода. До меня доносились какие-то резвые гитарные запылы.

– Эй! – Дрон кинул в него прутик.

– А? – обернулся Док, вынимая из уха наушник.

– Носки, говорю, из котла убери! Если не хочешь дальше босиком топтать.

– Не скули, они вообще новые, из магазина только, – отозвался Док, пригибаясь под еловой веткой и снова засовывая в ухо затычку.

– Я предупредил, – сказал Дрон.

Я шел последним, тупо разглядывая остроконечный логотип древнего, латанного-перелатанного рюкзака «Ермак», который нес Дрон.

Лес поредел, стало светлее и мы вышли на опушку, где нас встретило огромное поле, зеленеющее то ли ячменем, то ли чем-то еще. Дрон сверился с планшетом.

– Ага... Вот мы где, – он покрутил головой, повязанной суровой черной банданой, разрисованной черепами и костя-

ми и вытянул руку вперед: – Нам туда.

Двинулись по зеленому морю дальше. Ветер шелестел всходами, гоняя по полю волны. Дрон приблизился к Доку, осторожно вынул из котелка льняной черный клубок и зашвырнул вперед. Док ничего не заметил. Дрон обернулся и подмигнул мне.

– Зря, – поморщился я. Дрон махнул рукой:

– Достал он уже своими потниками. В другой раз умнее будет.

– В другой раз он твои выбросит.

– Вот он выбросит, – показал огромный кулак Дрон. Проходя последним, я все-таки поднял носки Дока и сунул в карман. Они действительно были новыми, с картонной этикеткой.

Поле обрамляла зубчатая кромка леса, а впереди приближалась редкая поросль деревьев попеременно с кустами – там по заверениям Дрона была речка, которую нам следовало форсировать и миновать деревеньку, видневшуюся дальше на взгорке.

– Искупаемся! – перекрикивая неслышные нам рулады, вскинул руки Док, как вдруг меня в спину истоиво толкнул порыв ветра. Я обернулся и замер. Над уже далеким лесом, из которого мы вышли еще минут двадцать назад, нависала черным покрывалом страшная грозовая туча.

– Пацаны!

Док с Дроном обернулись.

– Теперь точно искупаемся, – сказал Дрон и пустился рысцой вперед, к речке. Мы кинулись за ним. В спину нам оглушительно рыкнул раскат грома, будто великан кашлянул в кулак, намекая, что сопротивление бесполезно.

– Не успеем! – задыхаясь под тяжестью рюкзака, крикнул я. Дрон еще раз обернулся и остановился, высвобождаясь от лямок «Ермака». Мы с Доком начали скидывать свои рюкзаки. Дрон кинул нам плотный куль палатки, а сам вывалил на землю колышки и принялся состыковывать два алюминиевых штыря.

– Скорей!

Как чернила, вливаемые в воду, туча, грохоча, росла над нашими головами.

– Чуть-чуть не добежали! – сказал Док, поглядывая на недалекие ивы у речки. Дрон ответил:

– И как нам помогли бы кусты?

Мы с Доком крепили растяжки, а Дрон закидывал вещи в палатку, когда на нас упали первые тяжелые капли. Ветер яростно сотрясал полотно нашего укрытия, пробуя на прочность. Дрон выглянул из палатки и, утирая лицо банданой, спросил:

– Хорошо закрепили?

Мы с Доком закивали и полезли внутрь.

В палатке было тревожно, словно в футбольном мяче, установленном в центре поля. Свод рвался в разные стороны, звенели растяжки. Было темно, и Док полез было за фана-

рем, но тут блеснула молния, и всё превратилось в фотографию, где едва ли не хватало подписи: «Последний привал». Матерный комментарий Дрона потонул в густом громовом раскате. Далее стало много хуже.

Полил дождь, больше всего похожий на предвестник Всемирного Потопа, то и дело сверкали молнии, словно вонзаясь прямо перед входом в палатку и сотрясал все вокруг могучий гром. На одной из фотографий, мастерски выполненной грозой, я увидел страшное лицо Дока и его замершая рука, указывающая куда-то вверх.

– Ты чего? – прокричал я, силясь рассмотреть то, что увидел Док.

– ...ашу мать! – донеслось в ответ после очередного раската грома. – У нас тут целых два молниеотвода! А мы в поле!

Я похолодел. Как три буддийских монаха перед торжественным переходом в нирвану мы несколько секунд смотрели вверх, пытаясь угадать, в какой из алюминиевых штырей, поддерживающих свод палатки, воткнется следующая молния.

– Снимайте их к ...!!! – заорал Дрон, но мы с Доком не шевелились. У меня было ощущение, что оба штыря под страшным напряжением и прикоснуться к ним означает передать прощальный привет пацанам. Яростно матерясь, Дрон в две секунды снес обе стойки и нас накрыл холодный шатер опавшей палатки. Мы с Доком вяло пытались отпихивать штыри

от себя, но из-за тесноты это походило на неловкую игру в салки в компании парализованных.

– Идиоты! – бушевал Дрон. Он один возвышался над нами, чуть ли не сверкая глазами, мы же с Доком как под арт-обстрелом пытались слиться с землей. Дрону сделать это из-за своего роста и рассыпанных в спешке по палатке вещей, было труднее.

Ад начал стихать через четверть часа. Посветлело, дождь утратил напор и гром ушел куда-то далеко за реку. Мы втроем хмуро горбились в палатке, словно однойцовые близнецы в материнской утробе. Когда дождь перестал шелестеть по палатке, мы полезли наружу.

Туча чернела далеко, приглушенно ругаясь и ставя кривые восклицательные знаки молний.

– Перемещаемся ближе к реке, – скомандовал Дрон. Мы принялись кое-как сворачивать палатку.

У реки было куда уютнее. Она была не широка – метров десять, наверное – и ленива, как эскалатор в торговом центре. Мы нашли травяной взгорок и стали снова ставить палатку. Дрон пошел добыть дров. Док раскочегарил примус, чтобы заняться кашей.

Из-за тучи блеснуло солнце, клонившееся к закату. За рекой виднелась деревенька, где то тут, то там зажигались уютные огоньки. Небо было ясным, как и наши ночные перспективы. Вернулся Дрон, волоча огромный сук павшей березы, кинул на землю, полез за топором.

– Носки мои где? – хмуро спросил Док его могучий зад, торчащий из палатки.

– Я предупреждал, – невозмутимо отозвался Дрон и, пятясь, вылез наружу. Я молча вынул из кармана носки Дока и протянул ему.

– Зря, – покачал головой Дрон и принялся разделявать сук.

Когда совсем стемнело, эмоции от недавнего буйства стихии притупились, заглушенные сытостью в желудке и теплом костра. Мы сидели у трещавших полешков и глотали из кружек обжигающий чай. Полная луна выбралась из-за дальнего леса и укрепилось в ясном небе, которое сочилось звездами. В деревне влзаивали собаки и их перекличку носили порывы ветерка – наступила идиллия, ради которой мы и ходили в походы.

– Мужики, гляньте! – вдруг громким шепотом произнес Док.

– Куда? – спросил я, а он неотрывно таращился куда-то за реку. Потом поднял руку и показал:

– Видите?

И мы с Дроном увидели тоже.

По взгорку, на котором высилась деревня, в сторону речки шагало нечто. Больше всего оно напоминало какого-нибудь идиотского робота-трансформера из одноименного голливудского детсада. У него были длинные массивные ноги, туловище, и всё это венчала квадратная башка. Сверху на

башке торчали не то выпученные глаза, не то неприбранная шевелюра, а то и просто бигуди. Робот тащил на плече что-то похожее на бревно или базуку. И был он ростом никак не меньше трех метров. У меня возникло ощущение, что мы с парнями пропустили вторжение инопланетных роботов: то есть уже была лазерная бомбардировка, которую мы приняли за обыкновенную грозу и сейчас по наши души идет один из бригады зачистки, чтобы проверить, не остался ли кто-то в живых из числа аборигенов. Мы пялились за реку, глядя на это невероятное зрелище. Робот не торопился.

– Чего это за фигня? – за всех спросил пустоту Док. – Местные дети, может, забавляются? Хэллоуин у них, что ли?

– Какой хэллоуин летом? – ответил я.

– Да подождите вы, – отмахнулся всегда рассудительный и логичный Дрон. – Бинокль у нас есть?

– Не, я не взял. Тяжелый он, – отозвался Док.

– Тяжелый, – передразнил Дрон. А я добавил:

– Сейчас перейдет этот оптимуспрайм на наш берег и проверит, кто из нас быстрее долетит до деревни. Интересно, что он несет?

– Это ты что несешь? – обернулся на меня Дрон. – Док, что ты добавил в его кашу?

Раздались смешки. Мы продолжали вглядываться в шагающее существо. Однако с тех пор, как мы его заметили, он ничуть не приблизился к реке.

– Чего он топчется? – высказался Док.

– Разминается, – буркнул Дрон хмуро. – Вы как знаете, а я спать не лягу, пока не узнаю, что это.

Не сговариваясь, мы скинули одежду и полезли в воду. Преодолев реку и даже не замочив трусов, вступили на «вражеский» берег. Робот стал больше. Двинулись к нему, не сводя глаз. Ветер добавил дрожи, зябко похлестывая нас своими порывами. Исполин приближался...

– Вот черт... – плюнул Дрон, шедший первым. – Рассказать кому, не поверит.

Мы втроем стояли у «робота».

На двух бетонных столбах высился трансформатор, который венчал еще один железный ящик, поменьше, с изоляторами наверху, которые я принял за глаза-шевелюру-бигуди. Сбоку большого ящика торчала какая-то цилиндрическая емкость, действительно похожая на базуку, только короче. Прямо над этим инженерным сооружением болталась лампочка под самодельным абажуром, раскачиваемая ветром, отчего по трансформатору пробегали туда-сюда тени, создавая иллюзию движения. Трансформатор-трансформер низко гудел, будто был недоволен, что его спалили.

Пока перебирались на свой берег, я сказал:

– Прикиньте, днем это трансформатор, а ночью он превращается в работа-убийцу и шныряет по окрестностям в поисках жертв.

И мы с пацанами стали ржать.

Утром, форсировав реку уже с вещами, мы проходили мимо «Робота-убийцы». При свете солнца он выглядел миролюбиво и даже скучно. Я остановился рядом. На одном из бетонных столбов была прикреплена жестяная табличка, на которой были нарисованы череп и кости, снабженные надписью: «Высокое напряжение. Опасно для жизни!» «И ведь никто из местных даже не догадывается о том, какая достопримечательность тут у них торчит по ночам», – подумал я. А ведь на ближайшей станции вполне можно было разместить рекламу следующего содержания: «Каждый вечер феерическое шоу «Робот-убийца» по лицензии студии Марвел, Голливуд. Сбор за рекой у деревни Большие Кучи. Оплата наличными».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.